

М. Горький

Фальшивая монета

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Фальшивая монета / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-2755-7

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославившийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький быстро получил мировую известность.

ISBN 978-5-4241-2755-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Фальшивая монета

А.М.Горький

Фальшивая монета

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Яковлев - часовых дел мастер, одноглазый.

Полина - жена его.

Наташа - дочь от первой жены.

Клавдия - племянница.

Дуня - соседка, подруга Клавдии.

Бобова - торговка старыми вещами.

Ефимов - муж Клавдии, агент по распространению швейных машин.

Кемской - судебный следователь.

Глинкин - его письмоводитель.

Стогов.

Лузгин.

Иванов - полицейский.

Большая комната - приёмная барского дома: её увеличили за счёт другой комнаты, выломав стену. В левом углу, где был вход с улицы, устроено небольшое помещение для магазина часов. Правее - лестница в два марша, она ведёт в антресоли, где живут Кемской и Наташа. Под лестницей - дверь в помещение Яковлевых, направо, в углу - дверь к Ефимовым, ближе к рампе дверь в кухню. В левой, скошенной вглубь стене - окно во двор. Рядом с окном - старый буфет. У правой стены - диван, но на него садятся осторожно. Всё - старое, ветхое. Эта комната служит гостиной, столовой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Утро. Ночью близко был пожар. В комнате беспорядок, мебель сдвинута с мест, всюду узлы с платьем и бельём, в окне сломана рама, стёкла выбиты, на подоконнике - горшок с цветком. Только что кончили пить чай. Среди комнаты, на большом овальном столе, погасший самовар, неубранная посуда. Дверь из комнаты в часовой магазин открыта, там возится, прибирая товар, Яковлев, человек лет 60-ти, кривой, с лицом евнуха, в жилете, в туфлях. В комнате - Полина разбирает платье, бельё; ей лет под 30, одета в тёмное, красива, двигается легко и бесшумно, кажется - строгой, даже суровой, смотрит исподлобья, но когда откроет глаза - видно, что она испугана, подавлена чем-то. Наташа, сидя у стола, читает газету и грызёт сухари. По лестнице с антресолей сходит Клавдия.

Клавдия. Наташа, ты бы помогла!

Наташа. Подожди, сейчас. И когда они успели написать столько!

Клавдия. О пожаре?

Наташа. Да. Удивляюсь.

Клавдия. После удивисься. Лучше помоги-ка. (Полине.) Это - куда?

Полина. Это - к Наташе, пожалуйста.

Наташа (через газету). Ну, чего вы торопитесь? Всю ночь не спали, устали...

Клавдия (уходя вверх). Ты что же, за всех собралась отдохнуть?

Наташа (осматривая комнату). "Как хорошо, что это бывает не каждый день, - подумала курица, когда повар начал резать ей горло".

Яковлев (из двери магазина). Полина, ты не видала, где часы из витрины,

мраморные?

П о л и н а. У вас в руках видела.

Н а т а ш а (читает). "Всё яростнее разливалась огненная река, превращая труды рук людских в прах". Люблю, когда еров много...

Я к о в л е в (входя). Красноречие несчастию не подобает, тут нужно бы рыдая говорить, а они, пустобрёхи... Полина, а где ящик с гвоздями?

П о л и н а. Не знаю.

Я к о в л е в. Мало ты знаешь...

Н а т а ш а. Ну, где теперь найти этот ящик!

Я к о в л е в (вынул часы, смотрит). Тут сейчас человек должен прийти... (Замаялся, сморщил лицо.)

Н а т а ш а. Человек? Возможно ли это, отец? К нам придёт человек?

Я к о в л е в. А, ну тебя! Всё шуточки... (Идёт в магазин.) Смотри актрисой будешь...

Н а т а ш а. "Аббат исчез, оставив маркизу в недоумении". (Взяв кусок хлеба, блюдо и ложку, развязывает банку с вареньем, ест. Полина, стоя на коленях, смотрит пред собою, шевеля губами.)

К л а в д и я (с верха). Наташа, ты опять насыплешь крошек в банку, а отец...

Н а т а ш а. Прoberёт мачеху. Так и надо. Многоуважаемая мать моя - вы соизволите рассердиться когда-нибудь?

П о л и н а (очнувшись). Мне пора обед готовить.

Н а т а ш а. Обед - это тривиально. Обед не будет, а будет чай с различными вкусными добавлениями, об этом позабочусь я.

П о л и н а. А если отец...

Н а т а ш а. "Здесь приказываю только я, - величественно произнесла маркиза".

П о л и н а (уходя с охапкой одежды). Ну, как хочешь.

К л а в д и я. Она как будто всё больше дичеет, а ты с ней...

Н а т а ш а. Ах, оставь! Ещё и ты будешь меня моралью набивать!

К л а в д и я. Чего ты взвилась?

Н а т а ш а. Надоело! Ходит какая-то бутылка постного масла... от неё - тоска. Чертей не удивишь кротостью. Молодая женщина, недурна, а не умеет себя поставить...

К л а в д и я. Как это - поставить?

Н а т а ш а. Так. Тоже и ты, труженица, вышла замуж за привидение какое-то...

К л а в д и я (усмехаясь). Если мне нравится...

Н а т а ш а. Ну, миленькая, вижу я, кто тебе нравится!

(Полина входит торопливо, потерявшаяся, широко раскрыв глаза, за нею, в дверях, Стогов, мужчина лет за сорок, острижен ёжиком, виски седые, бритый, без усов, одет солидно. Говорит, держится спокойно, уверенно, с оттенком пренебрежения.)

К л а в д и я. Что вы, Поля?

П о л и н а (бормочет). Вот, - Наташа... я не знаю...

Н а т а ш а (прищурясь). Что такое?

П о л и н а. Вот этот господин... я сейчас спрошу... (Идёт в магазин, спотыка-

ясь, как слепая.)

С т о г о в (вежливо). С кем я могу говорить относительно найма квартиры?

Н а т а ш а. Какой квартиры? Мы - не сдаём...

С т о г о в. Мне сказали, что у часовщика Яковлева сдаётся флигель.

Н а т а ш а. Не слыхала, хотя прихожусь часовщику дочерью...

С т о г о в (кланяясь). Очень приятно узнать. Однако...

Н а т а ш а. Вы - погорелец?

С т о г о в. Нельзя ли видеть самого господина Яковлева?

Н а т а ш а. Можно. Он - существо видимое. Вы - приезжий?

(Полина стоит у двери в магазин, наклоня голову, как бы не смея войти туда.)

К л а в д и я. Пройдите в магазин - он там...

С т о г о в. Благодарю вас.

(Полина, уступив ему дорогу, отошла в сторону, встала, опираясь плечом о стену.)

Н а т а ш а. Вежлив. Похож на американского героя.

К л а в д и я. Как ты можешь так говорить с незнакомым?

Н а т а ш а. Ты, мачеха, чего испугалась, а?

П о л и н а (согнувшись над узлом). Я? Почему? Голова кружится...

Н а т а ш а. Нет, всё-таки?

П о л и н а (словно припоминая). Я развешиваю во дворе платье - вдруг он идёт... Я не испугалась...

Н а т а ш а. Ох, мачеха, ты скоро сама себя бояться станешь... Ну, ладно: "Оставим это для потомства, - сказала графиня, выбросив за окно изношенную туфлю". Впрочем - такой графини не было. Мачеха, иди, ставь самовар!

К л а в д и я (задумчиво, глядя на Полину). Не рано ли?

Н а т а ш а. Не смущай меня возражениями! Я буду мыть посуду и вообще - трудиться.

Я к о в л е в (из магазина). Наташа, не видала ключ от флигеля?

Н а т а ш а. Нет.

(Стогов в двери магазина. Клавдия и Наташа не видят его.)

К л а в д и я (мечтательно). Знаешь, Ната, я всё думаю о фальшивомонетчиках...

Н а т а ш а. Да? И что же?

К л а в д и я. Вот бы познакомиться с человеком, который делает золотые....

Н а т а ш а. Прекрасная мечта!

К л а в д и я. Или хоть с таким, который сбывает их...

Н а т а ш а. Превосходная идея!..

К л а в д и я (вздыхнув, с досадой). Ты всё насмехаешься. Удивительно, до чего ты несерьёзна! И как это можно: всегда, надо всем шутить?

Н а т а ш а (серьёзно). А видите ли: один грешник, просидев в аду тысячу девятьсот тринадцать лет, сказал соседу: "Здесь вовсе не так жарко, как мне говорили".

К л а в д и я. Терпеть не могу твои шуточки...

(Из магазина выходят Яковлев и Стогов.)

Я к о в л е в. Полина - ключ от флигеля! Где Полина?

(Полина из кухни быстро бежит по лестнице в антресоли. Наташа бесцере-

монно разглядывает Стогова. Он тоже спокойно разглядывает всех. Клавдия всё время входит и уходит, унося вещи.)

Яковлев. Очень интересно объяснили вы намерения ваши. И верное, должно быть, дело - теперь многие изобретают...

Стогов. Мы весьма отстали в технике против иностранцев.

Яковлев. Зато в доброте души - мы впереди всех народов.

Стогов (усмехаясь едва заметно). Говорят, что так...

Дуня (вбегает, - это девица лет 25-ти, жеманится, приглядываясь к Стогову, картавит). Представьте, всё ещё летят иск'ы. Я вынесла на те'асу батистовое платье, и вд'уг оно заго'елось, - вот какая ды'а. Я п'ибежала сказать вам...

Яковлев (внушительно). Искры летят оттого, что люди роятся на пожарах.

Дуня (удивилась). Да?

Яковлев. А вы думали - отчего?

Дуня. Представьте, я вовсе не думала об этом!

Наташа (уронила на пол блюдо). Ах, несчастная!

Яковлев. Хозяйка, эх...

Полина (с верха). Нет ключа.

Яковлев. Как же это?..

Клавдия. Идёмте, я отопру без ключа!

Яковлев (Стогову). Пожалуйте. Хаос у нас. (Ведёт его к двери в кухню. Навстречу - Ефимов, в руках его по тяжёлой связке книг, он держит их, как вёдра с водою.)

Дуня. Ах, какой ужас был ночью, какое раззорение!

Наташа. Забыла, Дуня, нужно сказать - 'аззение...

Дуня. Ах, оставь! Что тебе? Ты любишь осмеивать всех, а мне нравится картавить.

Ефимов (опустил книги на пол, отирает пот с лица). Для Натальи Ивановны стеснять людей - первое удовольствие.

Наташа. "Философия составляла любимый предмет Агафьи".

Дуня. Это что ещё за Агафья?

Наташа. Старушка одна у Льва Толстого, в "Анне Карениной".

Ефимов. Ваш Толстой мыло считал произведением искусства.

Наташа. Агафьюшка, это не Толстой, а Левин.

Ефимов. Всё равно. У серьёзного писателя и герои не говорят глупостей.

Дуня. Наташа, - кто этот господин?

Наташа (отломилла ручку чашки). Ещё одно несчастье!

Полина (как во сне, спускается с лестницы, испуганно остановилась). Какое несчастье?

Наташа (показывая ей чашку). Как трудно трудиться, Поля!

Ефимов (толкая ногой связку книг). Вот, - за швейную машину энциклопедическим словарём заплатили. И то - слава богу, - могли ничего не заплатить, а машина-то уже в ссудной кассе заложена. Да... В других странах невозможно подобное... извращение фактов, а у нас... (Огорчённо махнул рукою, взял книги, идёт к себе.)

Наташа. Ты этого бритого не встречала раньше?

Полина (беспокойно). Где же? Куда я хожу? Только в церковь...

Д у н я (идёт за Ефимовым). Интересного мужчину и в церкви заметишь.
П о л и н а (ходит по комнате, дотрагиваясь до разных вещей). Ничего я не замечала. Всё это напрасно...

Н а т а ш а. Что ты ворчишь?

Б о б о в а (входит с узлом в руке. Женщина за сорок, говорит певуче, крепкая, бойкая). Здравствуйте, дорогие, на долгие года! Страхи-то, ужасы, пожарище-то каков! Я, подобно мышке летучей, всюю ноченьку металась, не знай как! Третий разок посещает господь городок наш огненной бедой, и раз от разу всё погибельней. Растут, видно, грехи-то наши, возрастают... Не помочь ли вам в уборке-то, устали, поди-ко?

(Полина, разбирая вещи, часто поглядывает в окно на двор, прислушивается.)

Н а т а ш а. Вот именно - помоги! Умираю от усталости...

Б о б о в а. Женишка твоего видела сейчас.

Н а т а ш а (равнодушно). Где?

Б о б о в а. Сюда идёт с Кемским.

(Наташа, составив на поднос чайную посуду, несёт её в кухню.)

Б о б о в а (Полине). Нет, как ведь господь милостиво оградил вас, всего на два дома до вашего иссяк огонь...

П о л и н а (глухо). Сгореть бы и этому...

Б о б о в а. Ну, зачем же? Нас не стены держат, а глупость да робость наша. Однако неудобный домик, неудобный! Что это Наташа не уговорит крёстного отца совсем подарить ей рухлядь эту? А то - живёте вы под барским капризом: сегодня - любезны, а завтра - пошли прочь! А Наташе-то продать бы дом этот, а я бы покупателя нашла.

(Глинкин входит из магазина. Красивый молодой человек 22-25 лет. Лицо нахальное. Немного выпивши или с похмелья. В кожаной куртке, охотничьих сапогах, в картузе с дворянской кокардой. В руках - портфель.)

Б о б о в а. Дворянину - почтение! Что это, какой кожаный сегодня?

Г л и н к и н. Не твоё дело. Где Яковлев?

Б о б о в а. Уж очень ты строго спрашиваешь!

Г л и н к и н (Полине). Вы что же не здороваетесь со мной?

П о л и н а. А вы со мной?

Г л и н к и н. Пардон. Я спросил: где Яковлев?

Б о б о в а. А ты кого спросил?

Г л и н к и н. Не всё равно - кого?

Б о б о в а (Полине). Это куда?

П о л и н а. Дайте мне, это вверх. (Идёт.)

Г л и н к и н (ворчит ей вслед). Копчёная селёдка. Как живёшь, Бобиха?

Б о б о в а. А как привыкла: хихоньки да хахоньки, доходишки махоньки, живу - не тужу, всем служу, а тебе - погожу. Когда долгишки-то отдашь мне?

Г л и н к и н (ходит вокруг стола). Успеешь. (Сует пальцы в карман жилета, предполагает найти там часы. Часов нет. Он косится на карман, на пальцы, щёлкает ими. Напевает из Фауста.) "На земле весь род людской..."

Б о б о в а (улыбаясь, следя за ним). Забыл, что часики-то у меня в закладе.

Г л и н к и н. Я гадостей не люблю помнить.

Б о б о в а. Свадьба-то у вас - когда?

Г л и н к и н. Это не твоё дело. Семья - священный оазис в пустыне жизни, и никто не смеет вторгаться в недра брака. Да. Для вас, вот таких, брак - любительский спектакль, а для меня это парадное представление на сцене императорского театра. Поняла? Нет, конечно. (Осматривает стены, насвистывая.)

Н а т а ш а (вышла, приседает). Виконт!

Г л и н к и н. Здравствуйте. А где ваш отец?

Н а т а ш а. Пошёл сдавать какому-то господину квартиру во флигеле. Ну-с?

Г л и н к и н. Странно. Разве во флигеле можно жить? Куда это вы?

Н а т а ш а. За провизией к обеду.

Г л и н к и н. Полезное путешествие. Водки купить не забудьте.

Н а т а ш а. Виконт - я знаю ваши вкусы...

С т о г о в (входит). Человек должен иметь хозяина...

Я к о в л е в (идя за ним, весело). И надо всеми - господь! Приятно слышать такие речи в наше время всяческого буйства. Очень приятно... Теперь позвольте вас познакомиться с моими: дочь - Наталья.

С т о г о в (кланяется, не подавая руки). Пётр Васильевич Стогов.

(Наташа комически важно приседает.)

Г л и н к и н (тоже важно). Тихон Степанов Глинкин, юрист.

Н а т а ш а. Из пятого класса реального училища.

Г л и н к и н (окинув её сердитым взглядом). Личный секретарь судебного следователя Кемского.

(Стогов серьёзно кланяется, но в глазах усмешка.)

Н а т а ш а. То есть - писарь.

Я к о в л е в. А эта - торгует старинными вещами.

Б о б о в а. Продаю, покупаю, распрекрасную невесту сосватать могу.

С т о г о в. Выгодно старинными вещами торговать?

Г л и н к и н. Ерунда! Обман! Она сама выдумывает эти вещи...

Б о б о в а. Вещь, сударь мой, нельзя выдумать, её надо сделать. И без обману нельзя. Все любят обмануты быть, лишь бы хорошо обманули.

Я к о в л е в. А вот - жена...

(Полина прячет руки за спину, отступив.)

С т о г о в (кланяется ей). Так вы позвольте мне смерить там, - нет ли у вас рулетки или аршина?

Я к о в л е в. Полина...

П о л и н а (села на стул). Нет.

Я к о в л е в. Как - нет?

Н а т а ш а. Аршин у меня в комнате. (Полина не двигается.)

Я к о в л е в. Ты слышишь?

Н а т а ш а (идёт). Я принесу.

Я к о в л е в (жене). Ты - что?

П о л и н а (тихо). Устала...

Я к о в л е в. Ну... все устали!..

Н а т а ш а (подавая аршин). Извольте.

С т о г о в (кланяясь). Благодарю.

Я к о в л е в. Может - помочь вам, а?

С т о г о в. Нет, не беспокойтесь, я сам... (Ушёл.)

Я к о в л е в. Ну, - похоже, что хороший постоялец, видимо - со средствами.

Вот я забочусь обо всех, как лучше, покойнее, а вы...

Н а т а ш а. "Аббат, мы это слышали". (Идёт в магазин.)

Я к о в л е в (жене). А ты чего сидишь вороной? Убирай дом скорее.

(Полина встаёт.)

Г л и н к и н (иронически). Ха-арошенькое обращение с женщиной!

Я к о в л е в. Вы, Тихон... эх, грешить не люблю! (Уходит в магазин, сердито ворча.)

Г л и н к и н (осматривая стены). Ни одного зеркала - нельзя даже понять, существуешь ты или нет? (Идёт наверх.)

Б о б о в а (когда Глинкин скрылся). Экой бездельник, экой прохвост, а? А ты, Палагея Петровна, нехороша сегодня, - что это ты?

П о л и н а (идёт в кухню). Где же Клавдия?..

Б о б о в а. А она за нафталином побежала. (Подходит к окну, делает знаки, оглядывается.) Тсс... тсс...

С т о г о в (в окне). Ну, что?

Б о б о в а. Ладно ли дело-то?

С т о г о в. Квартиру снял. Что это за дурак, зять этот?

Б о б о в а (складывая пальцы в кулак). Так, щеночек, он у меня в горсти.

С т о г о в. Никого нет?

Б о б о в а. Позвать её, что ли?

С т о г о в (скрываясь). Да, скорее.

(Бобова идёт в кухню, по дороге заглянув в магазин; Стогов является из двери со двора, почти в ту же минуту из кухни вышла Полина, смотрит на него со страхом, он усмехается.)

П о л и н а (тихо, испуганно). Зачем вы пришли? Зачем?

С т о г о в (говорит тихо, с лёгкой усмешкой, трудно понять - серьёзно или шутя). Я вчера, на улице, и тогда, в церкви, сказал, что не отстану, найду, - вот и нашёл.

П о л и н а. Прошу вас - уйдите!

С т о г о в (усмехаясь). Не надо притворяться, Поля!

П о л и н а. Что вам нужно от меня? Кто вы для меня?

С т о г о в (всё так же, с усмешкой). Судьба, хозяин твой, влюблённый человек...

П о л и н а. Я вас не знаю, я не хочу...

С т о г о в. Я - твоя судьба, ты - моя. (Подходит ближе к ней, говорит негромко.) Оказалось, что у меня есть что-то похожее на совесть, Поля.

П о л и н а. Нет!

С т о г о в. Есть что-то... Может быть, это - от бессонницы, может быть - от скуки. Одним словом - ты мне нужна, и я пришёл за тобой...

П о л и н а. Нет! Не смеешь... не можешь ты! Ты! Из-за тебя я сидела в тюрьме, меня судили, позорили... из-за тебя!

С т о г о в. Но ведь тебя оправдали.

П о л и н а. Молчи!

С т о г о в. О том, что всем известно? Зачем же? Я знаю, что ребёнок родился мёртвым, проклятая бабка сказала мне. Но, - она не вовремя умерла, а я, как тебе известно... впрочем, я не оправдываюсь.

П о л и н а. Зачем ты пришёл? Зачем?

С т о г о в. Я сказал - за тобой.

П о л и н а. У меня - муж. Он пожалел меня тогда ли - на суде...

С т о г о в. Иной раз пожалеть выгодно.

П о л и н а. Третий год я живу...

С т о г о в. Живёшь? Разве?

П о л и н а. Не смей!

С т о г о в. Ну, перестань!

П о л и н а. Христом богом прошу - уйди!.. Не могу Я. - ничего не могу...

С т о г о в (хмурясь, спокойно). Чему быть, того не миновать...

П о л и н а (прислонясь к двери). Кто ты такой?

С т о г о в (серьёзно). Полина, я смотрел, как ты молилась в церкви, не один раз смотрел. В твои годы так молятся, когда хотят согрешить, но боятся. Я, знаешь, даже испугался за тебя. Пойми - это верно! Испугался!

П о л и н а. Врёшь! Ты врёшь... Ну, если ты добрый человек - уйди же! Я прошу.

С т о г о в (усмехаясь). Грешница ты - в мыслях, и - я ведь знаю очень любишь грех, очень ждёшь его.

П о л и н а. Нет. Неправда! Не хочу!

С т о г о в. Брось - меня не обманешь. (Почти с восхищением.) Ты очень сильная женщина, Поля, ты - настоящая. Как ты согнула себя, ты, такая гордая, а? Я не узнаю тебя... Удивительно это! Но то, что ты считаешь грехом - не грех, а - обязанность, это - твой долг. Пойми! Раньше ты ведь знала, что это твой долг и радость твоя, - знала! Это в тебе не могли убить, не притворяйся. (Громко и деловито.) Так вот, хозяйка: сейчас же я пришлю плотника. (Шепчет ей.) Отвечай мне, ну!

П о л и н а. Хорошо. Да. Прощайте.

(Из двери магазина идёт Кемской, человек лет 60-ти, весь неприбранный, одичавший, с неподвижной гримасой на лице. Одет в парусиновый балахон-пыльник, на голове - выцветшая судейская фуражка, в руках - пара уток.)

К е м с к о й. Кто такое, а?

С т о г о в. Постоялец. Снял флигель.

К е м с к о й. А... Семейный?

С т о г о в. Одинок.

К е м с к о й. Почему?

С т о г о в. Холостому удобней.

К е м с к о й. Гм... Может быть. Полина - Тихон здесь?

П о л и н а (очнувшись). Да.

К е м с к о й. Бросил меня, ушёл. Я говорю: возьми Наташе уток, а он ушёл! Вот утки, Наташе. Да. (Сел к столу. К Стогову.) Вы - квартиру сняли? Гм... Чем занимаетесь?

С т о г о в (не спеша, двигаясь к двери магазина). Изобретаю новый сплав.

К е м с к о й. Сплав леса?

С т о г о в. Металлов.

К е м с к о й. Не понимаю!

С т о г о в. До свидания. (Ушёл.)

К е м с к о й. Полина, - как это он тут?

П о л и н а (тихо). Не знаю, не знаю...